

art&cult

арткульт

Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства

№4 (1-2012)

Ю.В. Иванова

ПУСТОЕ ПОНЯТИЕ И ПРОСТРАНСТВО МАНИПУЛЯЦИИ: RAGIONE DI STATO ЛОДОВИКО ДЗУККОЛО И ЕГО ВЕЛИКИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ¹

В статье рассматривается один из ключевых для истории *ragion di Stato* сочинений – трактат Л. Дзукколо «О государственном интересе». Понятие государственного интереса в трактате Дзукколо ставится в один ряд с категориями, обладающими сходной семантической структурой и перформативным потенциалом – *res* Л. Валлы и *virtù* Н. Макиавелли. Подобная контекстуализация позволяет сделать вывод о том, что революционный эффект ранненововой Realpolitik в значительной степени основан на эксплуатации субверсивного потенциала пустого понятия – стратегии, которая, как показывает автор, была апробирована еще в кватрочентистской культуре диалога.

Ключевые слова: *ragion di Stato*, *virtù*, кватрочентистский диалог, Макиавелли.

Present article explores one of the most original treatises on *ragion di Stato* – Lodovico Zuccolo's *Della ragione di Stato*. The notion of the reason of state is ranked among other Early Modern categories having similar semantic structure and performative potential – Lorenzo Valla's *res* and Niccolò Machiavelli's *virtù*. Thus, revolutionary effect of Early Modern Realpolitik partly owes to the subversive impact of this empty notion – one of the fundamental elements of Quattrocento dialogue.

Keywords: *ragion di Stato*, *virtù*, Quattrocento dialogue, Machiavelli.

Иванова Ю.В. - ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ, доцент НИУ ВШЭ. E-mail: juliaivanova@list.ru.

¹ В статье содержатся результаты исследования, выполненного в рамках индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0090 «Категория *ragione di Stato* в историографии и политико-философской литературе XVI – первой половины XVII вв.» (2010-2012 гг.) программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Кардинал взял бумагу и медленно, делая ударение на каждом слове, прочитал:

«Все, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства.

5 августа 1628 года. Ришелье».

Прочитав эти две строчки, кардинал погружился в глубокую задумчивость, но не вернул бумагу д'Артаньяну.

А. Дюма. Три мушкетера

В одной из лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году и при публикации объединенных под заглавием «Безопасность, территория, население»², Мишель Фуко отмечает, что изобретение и распространение концепта *ratio status* – «государственный интерес» – в середине XVI века спровоцировало в европейском общественно-политическом мышлении, и особенно в мышлении религиозно ориентированном, скандал не меньший, если не больший, чем несколькими десятилетиями позже произвели гипотезы Галилея. Можно очень по-разному относиться к тому, как в этом лекционном цикле и в других трудах французского мыслителя анализируется *ratio status* (*raison d'Etat*, *raggione di Stato*, *reason of State*, *Staatsräson* – ибо, едва возникнув, понятие вошло в узус всех этих языков). Но нельзя не отметить одно примечательное недоразумение, которое с того самого момента, как этот термин был впервые произнесен и проник в писания историков, политиков и философов, сделалось неотъемлемой частью его судьбы и остается ею едва ли не по сей день. По крайней мере, чтение самого Фуко убеждает нас в том, что историк политической мысли во второй половине XX века по-прежнему остается в плену разногласий и споров, не умолкавших в ту далекую эпоху, к которой он питает столь пристальный интерес.

Недоразумение связано с тем, что споры велись о понятии, наделявшемся огромной важностью, но при этом лишенном устойчивого содержания. В принципе, подобная практика была распространена в среде итальянских гуманистов – о ней свидетельствуют дошедшие до нашего времени сочинения

² Русск. пер. лекций Фуко: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977 – 1978 учебном году. / Пер. с франц. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. Спб.: Наука, 2011.

адептов *studia humanitatis* Кваттроченто, написанные в жанре диалога³. Как правило, действующие в этих сочинениях персонажи выбирают для обсуждения какое-либо понятие из области этики – например, жадность, благородство⁴, благо, наслаждение⁵, – и пытаются определить его содержание. При этом каждый персонаж (а иногда и один и тот же – в каждой новой реплике) опирается в своей аргументации на произвольно выбранный ситуативный контекст и материал и всякий раз заново формирует, в соответствии со своими целями, новый облик обсуждаемого предмета. В большинстве случаев то, что делают персонажи кваттрочентистских диалогов с содержанием интересующих их концептов, трудно назвать исследованием: скорее, каждый участник бесед по собственной воле присваивает обсуждаемому термину угодное лично ему в конкретный момент спора значение⁶. Присвоение значения обычно имеет основания в том, что какие-то отдельные, опять-таки произвольно выбранные стороны бытования термина в качестве слова обыденного языка действительно позволяют соотнести с этим термином смысл, фаворизируемый персонажем. Операция присвоения «субъективного» значения этическому понятию фрагментирует действительность, сохраняя имя фундаментального понятия этической системы, но сужая все множество его возможных толкований до одного, угодного конкретному дискутанту.

В спорах о *ratio status* заявляет о себе стратегия, сформированная авторами диалогов Кваттроченто. Множество значений, приписывавшихся этому концепту, трудно обозреть, тем более, что мы имеем все основания полагать, что сейчас нам известны отнюдь не все тексты XVI-XVII веков, написан-

³ Разбор наиболее известных диалогов, написанных гуманистами XV века, см. в кн.: March D. The quattrocento dialogue: classical tradition and humanist innovation. Cambridge, 1980; на русском языке: Баткин Л.М. Итальянский гуманистический диалог XV века // Из истории Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 175 – 221; Иванова Ю. В. Гуманистический диалог // История литературы Италии. Т. II. Возрождение. Ч.1. Век гуманизма / Под ред. М. Л. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 187–253.

⁴ Жадность – понятие, обсуждению которого Франческо ди Поджо Браччолини (1380—1459) посвящает свой «Застольный спор о жадности, расточительстве, о брате Бернардино и других проповедниках» (*Historia convivalis disceptativa de avaritia*, 1428–1429; в рус. пер.: Поджо Браччолини Фр. Застольный спор о жадности, расточительстве, о брате Бернардино и других проповедниках // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). / Под ред. Л.М. Брагиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 73–107; электронная версия, выполненная по этому изд.: http://www.ido.rudn.ru/psychology/history_of_psychology/ch5_1.html); благородство становится темой для дискуссий в «Книге о благородстве» (*De nobilitate*, 1440; в рус. пер.: Поджо Браччолини Ф. Книга о благородстве // Итальянский гуманизм эпохи возрождения: Сборник текстов / под ред. С.М. Стама. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984).

⁵ Благо и наслаждение в его отношении к благу – центральная тема диалога Лоренцо Валлы (1407–1457), в одних редакциях называемого «О наслаждении» (*De voluptate*), а в других – «О подлинном и ложном благе» (*De vero falsoque bono*). См. на рус. яз. в изд.: Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / отв. ред. А.Х. Горфункель; сост., вступ. ст. Н.В. Ревякиной. М.: Наука, 1989. С. 386–404.

⁶ См. об этом явлении раздел «Онтология как софистический шедевр» в кн.: Кассен Б. Эффект софистики. / Пер. с франц. А.И. Россиуса. М.-СПб.: Московский философский фонд 'Университетская книга', 2000. С. 18—43.

ные с целью пролить свет на проблему *государственного интереса*⁷. Понимая сам термин очень по-разному, философы и политики-практики, тем не менее, ведут споры о том, имеет ли государственный интерес право на существование и соотносятся ли те или иные меры, принимаемые конкретными властителями, с государственным интересом. Спорят так, как будто некогда уже было раз и навсегда решено, что представляет собой *ratio status*, – и решение оказалось вынесено не в его пользу. Так, современники сообщают о папе Пие V, будто он непосредственно отождествлял *ratio status* с *ratio diaboli*, интересом дьявола⁸, и считал, что никакого другого *ratio status* вообще не существует. Те участники дискуссии, которые не видели в существовании *ratio status* ничего угрожающего человеческому сообществу, всегда оказывались вынуждены, аргументируя в пользу государственного интереса, проявлять особую изобретательность. Например, они предлагали различать государственный интерес «подлинный» (отвечающий учению о христианском государстве) и «мнимый» («государствоцентрический», то есть сугубо прагматический, игнорирующий этические и религиозные ценности⁹); государственный интерес, совпадающий с общественным благом и противоречащий ему; частный интерес власть имущих, маскирующийся под государственный, – и называемое некоторыми «государственным интересом» рвение о судьбах государств, проявляемое честными и способными к самопожертвованию правителями. Большой же частью дискуссии развивались так. Желая внести свою лепту в обсуждение акту-

⁷ Наверное, будет полезно напомнить читателю, что, хотя понятие *ragione di Stato* и в XVI столетии, и исследователями последующих веков традиционно связывали с именем Н. Макиавелли, в трудах флорентийского мыслителя эти слова не обнаруживаются. Принято считать, что термин впервые употребил оппонент Макиавелли – Джованни Ботеро, в 1589 году впервые издавший сочинение под названием «*Della ragion di Stato*». Однако сам Ботеро в посвящении своего труда архиепископу Зальцбургскому сообщает, что на протяжении последних лет, бывая при дворах самых разных королей и князей по ту и по сю сторону гор, он многократно присутствовал при дискуссиях о государственном интересе: «*Questi anni adietro, per diverse occorrenze, parte mie, parte degli amici e de' padroni, mi è convenuto far varii viaggi, e praticare, più di quello che io avrei voluto, nelle corti di re e di prencipi grandi, or di qua, or di là da' monti: dove, tra l'altre cose da me osservate, mi ha recato somma meraviglia il sentire tutto il dì mentovare ragione di Stato...*» (сочинение Дж. Ботеро здесь и далее цит. по электронной версии из *Biblioteca italiana*: <http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000589/bibit000589.xml>). Книга «О государственном интересе» Ботеро выдержала множество изданий. На итальянском языке при жизни автора она выходила четырежды: в 1589 г. в Венеции, в 1590 г. в Риме, в 1596 г. в Милане и в 1598 г. снова в Венеции; известны также переводы сочинения на испанский (изд. 1593), французский (изд. 1599), латинский (изд. 1602) и немецкий (изд. 1657) языки. Подробнее см.: Firpo L. Botero, Giovanni // *Dizionario biografico degli Italiani*. Т. XIII (1971); [http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_(Dizionario-Biografico)/).

⁸ Пий V (1504 – 1572) – в миру Антонио Микеле Гислиери, папа римский с 1566 г. М. Фуко указывает в качестве источника высказывания о *ratio diaboli* сочинение Джироламо Фракетты и ссылается на работу Р. Де Маттеи, в которой приведены другие источники: De Mattei R. *Problema della "ragione di stato" nell'età della controriforma*. Milano – Napoli: R. Ricciardi, 1979. P. 28-29.

⁹ Клод Клеман (1594 – 1642/43) в сочинении «Макиавеллизм, ниспровергнутый христианской мудростью Испании и Австрии» (1637) называет вид религии, исповедуемый нечестивым «Политиком» (*le Politique*), Государствопоклонством (*Stâtolatrie* – см. Thuau E. *Raison d'Etat et Pensée politique à l'ère de Richelieu*. P. : Armand Colin, 1966. P. 96; Фуко М. Указ. соч. С. 318-319, сн. 31 на с. 331).

ального вопроса предлагал свое собственное понимание ratio status (или просто подразумевал его: ибо складывающийся в конкретной голове смысл обретал отчетливую артикуляцию не под всяким пером), а затем такое же понимание ratio status по умолчанию навязывалось действительным или мнимым оппонентам автора или же некоторым из сильных мира сего, и это позволяло уличить их в том, что они возвращают вредные идеи или совершают неправомерные действия: попирают действующий закон, пренебрегают общественным благом, ведут государство к гибели, заботясь лишь о собственной выгоде, и т.п.

Часто в сочинениях о ratio status прагматические нужды полемики одерживают верх над логикой исследования. Положительное определение ratio status можно найти в ряде сочинений о политическом искусстве и об искусстве управления (жанры, развивающиеся начиная от середины XVI в.)¹⁰. Мы же обратимся к сочинению, автор которого одновременно дает «государственному интересу» самое убедительное определение и отрицает возможность дать ему определение в принципе. Это небольшой трактат «О государственном интересе» (Della Ragione di Stato, ок. 1621¹¹) Лудовико Дзукколо (1568 – ок. 1630) – автора, которого Бенедетто Кроче назвал «самым глубоким политическим философом своего времени» (il più profondo filosofo della politica nel suo tempo)¹², а Маурицио Вироли – «одним из самых тонких теоретиков ragion di stato»¹³.

Посвящая свой труд рассмотрению природы (la natura) того, что ко времени его создания уже на протяжении почти столетия именовалось ragione di Stato, Дзукколо дает понять, что им движет только теоретический интерес. И однако же для нас его работа может служить свидетельством того, что чистая теория и честное исследование иногда служат лучшими инструментами разоблачения недобрых намерений, если речь идет реалиях политического мира. Дзукколо сознательно отказывается исследовать и не собирается описывать действий скрытых механизмов, изобретаемых дурными государями и преступными правителями республик на погибель своим под-

¹⁰ См.: Фуко М. Ук. соч. С. 316—322.

¹¹ «О государственном интересе» Л. Дзукколо цит. по электронной версии итальянского текста: <http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000839/bibit000839.xml>, опубликованной в рамках проекта «Biblioteca Italiana». С этого же текста выполнен нами перевод приводимых далее фрагментов сочинения.

¹² Краткое введение в политическую мысль Л. Дзукколо, в частности, изложение содержания его утопических сочинений, см.: <http://www.cde-bagnoaripoli.it/cde/gobetti2/zuccolo.htm>.

¹³ Viroli M. Dalla politica alla ragion di stato. La scienza del governo tra XIII e XVII secolo. Roma : Donzelli editore, 1994. P. IX.

данным¹⁴. Он не хочет уподобляться негодным и нечестивым писателям – Макиавелли и иже с ним¹⁵ – и сочинять наставления для тех, кого на самом деле надлежит лишать власти и изгонять из государств ради общественного блага. И если он все же решается дополнить длинный ряд уже созданных до него другими авторами сочинений о столь скользком и многократно скомпрометировавшем себя предмете, как *Ragione di Stato*, то лишь потому, что его беспокоит присущая этому понятию способность менять значение в зависимости от воли употребляющего его.

Дзукколо показывает многими способами и на многих примерах, что одно и то же выражение «государственный интерес» в речи и сочинениях разных политиков и политических писателей означает совершенно различные вещи, притом что термином *ragione di Stato* охотно пользуются все (о том, предпринимается ли властями та или иная политическая мера из соображений государственной пользы или же по каким-то другим причинам, рассуждает даже невежественная чернь – ремесленники и прислуга). Некоторые отождествляют государственный интерес с республикой в целом – это мнение Дзукколо отвергает с самого начала:

«Представляется, что политика – это то, что направлено главным образом на достижение общего блага, а польза государства – то, что по преимуществу нацелено на благо тех, кто стоит во главе республики. И, следовательно, первая являет нам лик честный и благочестивый, а вторая весьма часто предстает в виде отвратительном и исполненном нечестия»¹⁶.

Политика объемлет «все тело» республики (*tutto il corpo della repubblica*), в то время как «государственный интерес» определяет политическое мышление лишь в некоторых немногочисленных случаях (*in certi pochi casi particolari*). Иные полагают, что под государственным интересом во всех случаях следует понимать меры, противные закону; другие думают – что только меры, с законом согласные; а есть и такие, что предполагают, будто в зависимости от обстоятельств государственный интерес может приходить то в гармонию, то в противоречие с законом. Но попытки выявить присутствие государственного интереса в определенных действиях власти через анализ юридической легитимности этих действий, по мнению Дзукколо, не проливают света на смысл и «природу» *ragione di Stato*, потому что понятие законности

¹⁴ <...> quelle machine, le quali dai mali prencipi e dagli scelerati governatori delle republiche vengono fabricate a loro ruina <...>.

¹⁵ <...> scrittori iniqui ed empî, come il Machiavello e i seguaci suoi <...>.

¹⁶ La politica pare che miri principalmente al ben publico, e la ragione di Stato più al bene di coloro che sono capi della republica; e in conseguenza la prima ci si mostra con faccia onesta e pia, e questa altra con apparenza ben spesso malvagia ed empia.

не имеет с ними ничего общего. Чтобы действительно понять, в чем состоит государственный интерес, необходимо прежде признать, что *государство предшествует закону и легитимности* и всегда остается несоизмеримо с ними: если мы способны позитивно мыслить о «государственном интересе», то это означает, что мы уже поставили государство выше всякого закона и какой бы то ни было легитимности. «Сказать “действие во имя государственной пользы” – значит сказать просто “действие, отвечающее сущности и форме”¹⁷ того Государства, которое человек задумал сохранить или основать»¹⁸. А следовательно, понятие *государственного интереса* следует связывать со средствами, необходимыми для достижения главной цели – для придания государству такого *устройства* и такой *формы* (*costituzione e forma*), каковые предпочтительны для того, кто является настоящим субъектом государственного интереса (то есть для правителя или правителей государства, а возможно, и для того, кто только намеревается стать правителем), или для сохранения *status quo*, если нужные устройство и форма уже созданы¹⁹.

Итак, *государственный интерес* предполагает наличие конкретного человека или людей, для которых определенные устройство и форма государства являются целью их действий. Причем действий обязательно осознанных и спланированных: Дзукколо требует методически различать свершения государей, преследующих соображения государственной пользы, – и порой внешне не отличающиеся от них поступки сильных мира сего, которые лишь кажутся отвечающими государственному интересу и направленными на достижение скрытой цели властителя, но на самом деле совершаются из-за стечения случайных обстоятельств, по причине политического просчета или под

¹⁷ В другом месте трактата Дзукколо дает определение формы республики: «Qui non voglio rimanermi di avvertire chi leggerà, le forme propriamente essere a guisa d'unità, le quali, aggiunte ai numeri, gli fanno uscir diversi di spezie l'uno dall'altro. Ma io non mi attengo, mentre ragiono d'introduzione e di conservazione di forma, a sì ristretto significato; ma sotto nome di forma intendo quella disposizione e costituzione delle cose, dalle quali immediatamente ne risulta la forma specifica insieme con l'istessa forma, aggiunta quasi unità a siffatta costituzione. E però il nome di costituzione e di forma della republica a me significano quasi il medesimo. E così a punto nelle morali dottrine, dove non si procede con quella strettezza di termini che si usa nelle matematiche e nelle naturali, pare a me che si soglia per lo più intendere la forma» (Здесь я не хочу останавливаться, что напомнить читателю о том, что формы в собственном смысле слова подобны единицам, каковые, будучи прибавлены к числам, делают их отличными друг от друга по виду. Однако я, рассуждая об учреждении и сохранении формы государства, я использую это слово не в этом узком его значении. Под именем формы я подразумеваю расположение и устройство государства, непосредственным результатом коих является специфическая форма этого государства – получившаяся форма присоединяется, как единица к числу, к этому государственному устройству. Вот почему для меня слова «государственное устройство» и «форма государства» означают почти то же самое. Именно поэтому, как мне кажется, в учении о нравственности, не предполагающем такой же строгости в употреблении терминов, как математика и естественные науки, чаще всего не достигают понимания того, что есть форма).

¹⁸ Onde l'operare per ragione di Stato non verrà altro a dire che un operare conforme all'essenza o forma di quello Stato che l'uomo si ha proposto di conservare o di costituire.

¹⁹ <...> la ragione di Stato tutta si rivolga intorno al conoscere que' mezzi e a valersene, i quali siano opportuni per ordinare o per conservare qualsivoglia costituzione di republica, qualunque ella si sia.

влиянием страстей. Государственный интерес следует отличать также от интересов правительства (*interessi del governo*), частных интересов власть имущих, но что еще важнее – от *соображений пользы* (*la ragione dell'utile*), касающихся не одних лишь государственных проблем, но имеющих место во всех человеческих делах вообще: «Ведь благоразумие или осмотрительность, благодаря которым делаются приобретения, часто представляются, если рассмотреть их со вниманием, лишь по имени сходными с тем искусством, которое позволяет основать Государство или поддерживать его существование»²⁰. Иначе говоря, государственный интерес, по Дзукколо, – это всегда не что иное как *программа государственного строительства*, реализуемая конкретным человеком или конкретной же группой людей.

Для того, чтобы создать такую программу, необходим инструментарий. В этом смысле и политика, и *ragione di Stato*, ее паллиатив, – это *artes*, искусства-ремесла, со всеми их атрибутами и, главное, со всеми этапами их изучения. Прежде всего, с набором *правил, средств и приемов*, мыслимых Дзукколо весьма материально (что не может не вызывать удивления, когда речь идет о такой тонкой и эфемерной сфере, как политика): эти средства словно хранятся в некоем резервуаре, из которого их можно черпать, затем упорядочивать, заучивать и экспериментировать с ними. Однако такое механическое знание еще не гарантирует успеха. Автор прибегает к аналогии риторики, знания норм которой никогда не достаточно для того, чтобы удачно выступить перед публикой: для этого нужна еще одна компетенция – ее Дзукколо называет ораторским искусством (*arte oratoria*)²¹. Если риторика представляет собой систему правил, то ораторское искусство состоит в том, чтобы своевременно и к месту *применять* правила и благодаря этому достигать цели – совершенства ораторской речи. Две подобных составляющих есть и в *ragione di Stato*: «одна, которая учит нас средствам, пригодным для того, чтобы вводить и сохранять форму республики, и другая – та, что находит этим средствам применение»²².

Аналогия из области *artes* актуализует и существенно проясняет расхожую формулу «государство – это я». Исследуя природу государственного интереса, нам приходится иметь дело отнюдь не просто с частным интересом,

²⁰ Poiché quella prudenza o avvedutezza, la quale ci serve agli acquisti, rassembra bene spesso, se attentamente si considera, equivoca con la perizia della quale ci vagliamo per costituire o per mantenere uno Stato.

²¹ <...> la povertà delle lingue ci costringe il più delle volte ad esprimere questi due abiti con un solo nome, ne avviene che comunemente si reputano un solo <...> (бедность языков все время принуждает нас объединять два этих навыка под одним именем, так что они, как правило, почитаются за один).

²² <...> l'una, che insegna i mezzi atti per introdurre e per conservare la forma della republica, e l'altra che gli mette in opera.

непосредственно спроецированным в сферу общегосударственной жизни и из нее черпающим средства для самоудовлетворения. Отношения частного лица и «всего остального государства» здесь как раз опосредованы, и весьма замысловато. Между властной интенцией правителя, направленной на подчинение государства себе, и собственно государством – целая серия мутаций, в процессе которых от частного интереса не остается ничего. Политик, претворяя в действительность собственное понимание *ragion di Stato*, преследует свой частный интерес не в большей мере, нежели художник, создающий произведение искусства под действием вдохновения и в силу обретенного мастерства. Частный интерес и властная интенция объективируются в артистическом произведении – в фикции, суггестивность и тотальность которой перебивают сколь бы то ни было трезвое и адекватное видение действительного положения дел: в виртуальном государстве, существующем лишь в голове того или тех, кто или уже овладел неким реальным государством и пересоздал его в согласии со своим замыслом, или еще только желает овладеть им, чтобы как можно скорее подчинить его своей фантазии и переустроить, насколько это позволит сделать его врожденный политический талант и изученное им политическое искусство. Поэтому можно сказать, что Дионисий Сиракузский, Писистрат и Цезарь руководствовались государственным интересом уже тогда, когда еще не обладали властью: ведь не будучи правителями, они тем не менее *авторски* относились к государству, которым намеревались овладеть, – у них уже была собственная *концепция* государства.

Дзукколо предлагает еще одну аналогию – между действиями правителя, преследующего государственный интерес, и практикой врача, который как бы вводит (*introduce*) здоровье в больное тело, затем создает условия, чтобы оно одержало верх над болезнью, и после того поддерживает достигнутое им здоровье в организме пациента. Задача политика тоже состоит в том, чтобы *ввести новую форму в государство* и затем поддерживать действие этой произведенной его усилиями прививки²³. Примечательно, что злонамеренный политик выдерживает сравнение с медиком так же, как выдерживает его и политик честный: ведь дело не в качестве их замыслов, а в способности обоим придать оригинальную, изобретенную лично каждым из них форму той материи государства, которая пребывала в состоянии неопределенности, пока они не приложили к ней руку.

Поэтому бессмысленно указывать на конкретные действия, отвечающие *ragione di Stato*, – например, говорить, что государственный интерес предполагает систему мер, направленных на увеличение территории, под-

²³ <...> opera per ragione di Stato può nella repubblica nuova forma introdurre o conservar l'introdotta.

властной государю²⁴. Равным образом, бессмысленно рассуждать и о легитимности или нелегитимности действий, направленных на реализацию государственного интереса, и таким путем пытаться дать дефиницию *ragione di Stato*. Единственно верный способ определить «государственный интерес» – всякий раз конкретизировать это понятие применительно к каждой отдельно взятой политической ситуации. Только личность протагониста, следующего соображениям государственной выгоды, наполняет этот термин как событийным содержанием, так и этическим смыслом: «Если форма республики будет хороша, справедлив будет и государственный интерес, который ей соответствует; и наоборот, если форма республики будет дурна, то и государственный интерес, ее поддерживающий, следует назвать несправедливым»²⁵.

Подозрительное отношение к государственному интересу вызвано, как предполагает Дзукколо, скорее всего, тем, что в политической практике мы встречаем слишком мало примеров доброго правления и слишком много – дурного, потому и *ragion di stato* охотнее связывается с дурной властью и ее негативными проявлениями. Что же касается автора, то он убежден, что сам по себе «государственный интерес», взятый в чисто теоретическом смысле, без оглядок и намеков на какие бы то ни было прецеденты из политической истории, – это «честное имя» (*parola onesta*). Отрицательные коннотации присваиваются этому термину из-за неточности, закрепившейся в политическом языке: когда «государственный интерес» направлен на общественное благо,

²⁴ По-видимому, здесь имеет место критика определения государственного интереса, которым открывается трактат Ботеро, к тому времени, когда Дзукколо пишет свое сочинение, уже переведенный на несколько языков и приобретший статус классического труда: «*Ragione di Stato si è notizia di mezi atti a fondare, conservare et ampliare un dominio. Egli è vero che, se bene, assolutamente parlando, ella si stende alle tre parti sudette, nondimeno pare, che più strettamente abbracci la conservatione che l'altre, e dell'altre due più l'ampliatione che la fondatione*» (Государственный интерес – это знание средств, пригодных, чтобы основывать, сохранять или расширять владение. Однако, хотя и следует признать, что в абсолютном смысле понятие государственного интереса состоит из трех означенных частей, все же представляется, что в большей степени оно относится к сохранению владения, нежели к его основанию или расширению, и из двух последних скорее к расширению, чем к основанию). Цит. по электронной версии, содержащейся в Biblioteca Italiana: <http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docid=bibit000589/bibit000589.xml>, в основу которой легло, очевидно, одно из первых изданий сочинения Ботеро. В более поздних изданиях автор дополнил свою дефиницию, предпослав определению государственного интереса определение собственно государства: «*Stato è un dominio fermo sopra popoli*» (государство есть прочное господство над населением). Мы не имели возможности проследить, в каком из изданий текста Ботеро это дополнение возникает впервые. Но, в частности, оно есть уже в парижском издании 1599 г., содержащем итальянский текст Ботеро и его французский перевод, выполненный «королевским секретарем и переводчиком» Габриэлем Шапьюи. В целом текст парижского издания расширен относительно первой итальянской версии 1589 г. Определение государства, фигурирующее в ряде изданий «*Della ragion di Stato*», Фуко делает аргументом в пользу своей идеи о трансформации, которую переживает политическая власть на заре Нового времени, из *господства над территорией* превращаясь в *управление людьми* (собственно, в ходе этой трансформации и возникает понятие *населения* как объекта *управления*, осуществляемого властью и изменяющего саму природу власти).

²⁵ <...> se buona sarà la forma della republica, giusta sarà la ragione di Stato che la risguarda; e, se la forma della republica sarà mala, ingiusta doverà dirsi la ragione di Stato, ch'a quella è indirizzata.

его принято отождествлять с «политикой» (*la politica*) и называть одним с нею именем; когда же говорят о «государственном интересе» друных правительств – то есть таком, который «политике» противоречит, – то называют его особым именем.

Дзукколо известно мнение многих авторитетных знатоков истории политической мысли и права, склонных отождествлять *ragione di Stato* с *jus dominationis*, *правом господства*. Они рекомендуют применять этот термин так же, как употребляют – в совершенно нейтральном смысле! – понятия *ius gentium* или *ius civile*: в двух последних случаях под терминами подразумевается не что иное как просто справедливость (*un giusto*) в международных или внутригражданских отношениях.

Дзукколо настаивает именно постулирование нейтральности смысла термина, обозначающего *государственный интерес*. Он понимает – хотя, возможно, и артикулирует это недостаточно отчетливо, – чем может обернуться безответственная и недальновидная готовность профессиональных юристов и государственных администраторов включить *ragione di Stato* в свой обыденный лексикон. Ведь в норме вокабулы их тезауруса прямо и непосредственно связаны с вполне определенными реалиями правового мира и лишены коннотаций, будь то эмоциональных или этических. Право народов и гражданское право – понятия, сохраняющие тождественность своих значений на протяжении всех эпох, в течение которых они существовали. Разным содержанием могли наполняться не сами имена, а только те своды норм и предписаний, на которые эти имена в разное время указывали; отношения же между термином, обозначавшим соответствующую область права, и самой этой областью всегда были одними и теми же.

И вот здесь *ragione di Stato* обнаруживает свою совершеннейшую непохожесть на *ius gentium* или *ius civile*. Она состоит, главным образом и прежде всего, в неизбывно эвфемистическом характере этого термина. Сама история государственного интереса – это одновременно и донельзя реальная история мер, принимавшихся правителями разных эпох во имя *ratio status*, и призрачная история уверток и ускользаний, история неуловимой силы, являющейся под разными личинами и именами, но никогда не позволяющей ни разглядеть свою суть, ни даже с уверенностью утверждать, что таковая и вправду существует. Дзукколо, как и многие его современники, не приписывает своему веку чести открытия «государственного интереса»: *ratio status* существовал всегда, и древние прекрасно знали о нем, вопреки сомнениям слишком профессиональных антикваров и историков, которые ищут конкретные слова в текстах античных философов и юристов и не находят их там. Говоря

«vis dominationis» (сила господства) или «arcana imperii» (тайны власти), наши далекие предки стремились выразить ровно то же, для чего и поныне, как признается Дзукколо, не хватает слов: «Не важно, что у древних не было собственного имени, чтобы это [ragione di Stato – Ю.И.] обозначить, ведь и у нас его тоже нет, и однако же мы изъясняемся описательно, употребляя два таких вот слова: “интерес государства” – так же, как и они описывали то же самое при помощи других слов»²⁶.

Как представляется, главная заслуга Дзукколо – теоретика ragione di Stato именно здесь, в констатации безнадежной слабости политической теории. Мы вынуждены прибегать к описательному обороту, к эвфемизму, называя некую вещь «государственным интересом», потому, что на самом деле мы не столько не знаем имени этой вещи, о которой все время говорим, сколько не понимаем, в чем вообще она состоит. Мы понимаем только, что речь идет о некой вещи исключительного достоинства и исключительной важности. В устах тех, кому приходится чаще других говорить о государственном интересе, – политиков-практиков, князей и царедворцев, – ragione di Stato из термина превращается в императив, в нечто подобное слову «табу» в обрядовой практике полинезийцев. Эти слова не просто описывают некие действия: они одновременно сообщают о цели этих действий (по Дзукколо – создание новой формы государства или сохранение прежней) и дают однозначное и неоспоримое разрешение на их осуществление.

Очевидно, что не теоретическая неопределенность концепта ragione di Stato более всего беспокоит Дзукколо, а как раз то, что ragione di Stato оказывается больше любого концепта и шире какой угодно теории. Беспокоит то, что слова «государственный интерес» каким-то непостижимым образом способны превращаться из инструмента исторического или политического анализа в прямое распоряжение, а из эвфемизма с весьма размытым значением – в самый убедительный аргумент. Дзукколо справедливо полагает, что протеическая природа термина создает самые благоприятные условия для злоупотребления им: «почти всегда нам приходится видеть, как среди честных и справедливых действий находится место для беззаконий и преступлений, ведь дурные правители не могут отказать себе в удовольствии скрыть свои злодеяния под личиной доброго имени»²⁷.

²⁶ Né fa caso che gli antichi non avessero nome proprio da isprimerla, poiché non l'abbiamo ancor noi, e però la circoscriviamo con questi due termini: «ragione di Stato», come la circoscrissero eglino con altri <...>.

²⁷ <...> così quasi sempre verressimo a dare luogo alle iniquità ed alle sceleratezze tra le operazioni oneste e giuste, benché ai precipi cattivi non possono tuttavia dispiacere <...> le maschere de' bei nomi per coprir la bruttezza delle azioni.

Открытие Дзукколо – пустота термина *ragione di Stato* – может быть рассмотрено, как представляется, в одном ряду с еще двумя «пустыми» понятиями, которыми мы обязаны этико-политической мысли Ренессанса: *res* Лоренцо Валлы и *virtù* Никколо Макьявелли. *Res* – единственная из шести признаваемых схоластической философией «трансценденталий» (*сущее, нечто, единое, истинное, благое, вещь*²⁸), за которой в своем «Перекапывании диалектики» Валла соглашается сохранить этот статус, лишая его остальные пять категорий²⁹. Он предлагает понимать под *res* всякий возможный предмет высказывания, а относительно всех других трансценденталий схоластов доказывает, что они суть всего лишь предикаты, относимые к слову «вещь». Валла подбирает примеры из латинской литературы, свидетельствующие, что *res* способна принимать самый широкий спектр значений (под ней в разных контекстах подразумеваются и предметы, и процессы, и состояния)³⁰, – и демонстрирует, что значение *res* всякий раз бывает неотделимо от ситуации подразумевания и говорения. Иными словами, *res* – это *пустая тема* высказывания, способная наполняться любым содержанием в зависимости от интенции говорящего. *Прежде высказывания она не существует, а в тех контекстах, в которых она употребляется, она просто выполняет, как мы сказали бы сейчас, функцию местоимения, замещающего слова с конкретными значениями.*

В этических экспериментах, осуществляемых в диалоге «О подлинном и ложном благе», метод максимальной редукции философского словаря и совмещение *res* с *просто предметом высказывания* влекут за собой непосредственные следствия в физическом и историческом мире, санкционируя нелегитимный переход от незаинтересованного, объективного исследования языка к поступку. Так, один из персонажей диалога утверждает, что прелюбодей – несуществующее понятие, ведь в реальности ему соответствует всего лишь та вещь, которая обозначается словом *vir*, а это слово служит для обозначения мужа – не только как представителя определенного пола, но и как члена семьи. Следовательно, с прелюбодеем, который есть не что иное как *vir*, следует заниматься тем же, что и с мужем, который тоже называется *vir*. А семейное положение того, кого называют *vir*, его добродетельность или злонамеренность – всего лишь предикаты, которыми можно пренебречь. В услови-

²⁸ *Ens, aliquid, unum, verum, bonum, res.*

²⁹ Valla L. *Retractio totius dialecticae cum fundamentis universae philosophiae* (I, 2) – см. электронную версию сочинения: http://www.cmrs.ucla.edu/brian/research/unfinished/unfinished_books/valla_lat_copy.pdf)

³⁰ *Neque mirandum est, tot significata unam vocem habere specialia: cum omnia significata generaliter contineat* (Valla L. *Retractio...* I, 2, 21).

ях, когда общество предпочитает изобретать «бессущностные» понятия, не имеющие коррелята в действительности, и руководствоваться ими, этика мудреца, умеющего правильно анализировать события действительности, не умножая сущностей и разоблачая стремящиеся обратиться в сущности предикаты, будет этикой коммуникативной эффективности. Если такой прогрессивный субъект не признает существования референций у этических понятий, которыми пользуется общество, а общество желает их признавать, значит, он может попросту подражать тому, как общество интерпретирует события действительности, и извлекать из этого выгоду для себя.

Центральная категория историко-политического мышления Макиавелли – *virtù* (доблесть? мужество? или, как в одном из русских переводов, – мудрость³¹) – тоже отмечена неопределенностью, которую, как кажется, автор сознательно культивирует, делая ее едва ли не самой важной составляющей содержания этого понятия. В современном Макиавелли ученом языке *virtù* могло означать очень многое: от добродетели или доблести до жизненных сил живого организма³² или просто свойств предметов (например, *virtutes herborum* – это свойства трав, как правило, лекарственных). Согласно интерпретации Виктории Кан³³, которая кажется нам убедительной, именно смысловая неустойчивость *virtù* и была важна для Макиавелли, когда он искал такое понятие, которое оказалось бы ключом к текучей, постоянно изменяющейся и не наделенной никаким ясным смыслом действительности. *Virtù*, и звучанием, и значением отличная от классической *virtus*, – это и есть тот камень, на котором можно воздвигнуть собственную, новую, «неклассическую» этику.

Безусловно, *virtù* – это способности и действия выдающегося субъекта, вызывающие восхищение окружающих, покоряющие их. И в этом смысле *virtù* обладает и Моисей, удостоившийся собеседования с Всевышним, и Цезарь Борджа, осуществивший чудовищную публичную казнь прославившегося своей жестокостью наместника, описанную в VII главе «Государя». Не слишком важно даже, какого рода действия производит субъект и какие именно выдающиеся способности он демонстрирует: важен их масштаб и эффект. Но для того, чтобы эффект состоялся, необходимо две стороны: тот, кто его создает, и тот, кто его воспринимает. Иначе он невозможен – так же, как и *virtù*. Она зависит не только от того, кто ее демонстрирует, но и от того, кто ее созерцает. Одни и те же действия в разных обстоятельствах могут вести к

³¹ Такой перевод термина можно найти в изд.: Макьявелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1996.

³² См. об этом: Gilbert F. On Machiavelli's Idea of *Virtù* // Renaissance News. Vol. IV. № 4. P. 53 – 55.

³³ Kahn V. A. Machiavellian Rhetoric: From the Counter-Reformation to Milton. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 22 sqq.

самой громкой победе и к самому позорному поражению. Преступление может спасти многие жизни, а безупречное следование долгу – погубить целое государство; однако как преступление, так и следование долгу способны помочь кому-то исполнить его замыслы, но способны и помешать. В разных контекстах у Макиавелли *virtù* отождествляется то с героической доблестью властителя-воина, несущего свободу своему народу, то с низостью тирана, стремящегося поработить свой народ или избавиться от соперников в борьбе за власть. Она оказывается то «положительным» духовным свойством, то свойством явно «отрицательным»: ее нельзя прямо отождествить ни с добродетелью, ни с пороком, ни с подвигом, ни со злодеянием. Выходит, что *virtù* создается не только качеством или масштабом действия, но и – в первую очередь! – самим моментом, когда совершается деяние, которому суждено определить судьбы народов и государств.

Кажется, *virtù* в структуре социальных и политических действий для Макиавелли оказывается такой же универсальной темой-свойством-предметом, как *res* для Валлы – в структуре мышления и языка. Оба мыслителя делают основным средством концептуализации исторического и политического мира понятие максимально общее и максимально пустое; понятие, содержание которого всегда полностью определяется контекстом и зависит от времени и обстоятельств, а также от намерений, реакций и подразумеваемых множеств разных субъектов – автора, аудитории, действующих лиц. *Ragione di Stato* Дзукколо, при всех стараниях автора сузить этот термин до обозначения чьей-то интенции, направленной на устройство и форму государства, – все равно пустое понятие: эвфемизм, описательный оборот. Однако сходство его с *res* и *virtù* заключается не только в этой анафоричности. Оно состоит также в заключенной во всех трех терминах взаимной конвертируемости «чистого» исследования и этической (или политической) практики. Три случая различаются только градусом напряжения между теорией и прагматикой. У Валлы имеет место простая провокация. Для Макиавелли приемлемо прямое насилие: носитель *virtù* способен переломить любые обстоятельства и не только людей заставить действовать вопреки их природе, но и саму Фортуну. А Дзукколо описывает коммуникативную ситуацию, в которой интересующий его концепт может работать либо как *пароль*, либо как инструмент разоблачения (то есть всего-навсего *неправильный* пароль), в зависимости от политической честности тех, кто его использует, и политической проницательности тех, кто позволяет это делать.

Ragione di Stato Дзукколо в сравнении с *virtù* Макиавелли – концепт одновременно и более демократический, и более рафинированный. *Virtù* раз-

деляла мир на героев и толпу, которой оставалось только замороженно созерцать совершаемое героями; *ragione di Stato* делит общество на профанов, с одной стороны, и компетентных игроков, которые понимают друг друга с полуслова и потому обладают возможностью контролировать и даже прогнозировать действия своих коллег, будь то соратников или противников, – с другой. В обсуждаемой Дзукколо оригинальности государственных «устройства и формы» – оригинальности явно артистической, предполагающей знание приемов ремесла, но вместе с тем и особую творческую способность их применения, и даже своего рода вдохновение, и силу движений творческого духа, – в этой оригинальности, связанной с политическим «стилем» конкретного правителя или претендента на власть, можно еще различить тень *virtù* Макиавелли. Но политики-практики, как их изображает Дзукколо, – уже не герои-гиганты, а просто хорошо обученные профессионалы, и их действия и замыслы уже едва ли могут потрясать или завораживать. Их цели гораздо прозаичнее, они имеют гораздо менее катастрофический облик, чем задачи, ежедневно выпадающие на долю государя Макиавелли, которому, как кажется, никогда не удастся избавиться от ощущения близости крушения и гибели, постоянно угрожающих его власти. На *ragione di Stato* совершенно не требуется взирать с восхищением: его можно или допустить и принять, выразив словом и действием согласие с тем, кто намеревается реализовывать свою модель *государственного интереса*, – или не допустить и не дать ходу его автору. Но к нему в любом случае стоит относиться с неменьшим подозрением, нежели к *res* – этому ключу к деконструкции классической этики, – и к *virtù* с ее полумистическим пафосом тотального насилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / отв. ред. А.Х. Горфункель; сост., вступ. ст. Н.В. Ревякиной. М.: Наука, 1989. С. 386–404.

Иванова Ю. В. Гуманистический диалог // История литературы Италии. Т. II. Возрождение. Ч.1. Век гуманизма / Под ред. М. Л. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 187–253.

Кассен Б. Эффект софистики. / Пер. с франц. А.И. Россиуса. М.-СПб.: Московский философский фонд 'Университетская книга', 2000.

Макьявелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1996.

Поджо Браччолини Фр. Застольный спор о жадности, расточительстве, о брате Бернардино и других проповедниках // Сочинения итальянских

гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 73-107.

Поджо Браччолини Ф. Книга о благородстве // Итальянский гуманизм эпохи возрождения: Сборник текстов / под ред. С.М. Стама. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984

Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977 – 1978 учебном году. / Пер. с франц. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. Спб.: Наука, 2011.

De Mattei R. Problema délia “ragion di stato” nell`età délia controriforma. Milano – Napoli: R. Ricciardi, 1979.

Firpo L. Botero, Giovanni // Dizionario biografico degli Italiani. T. XIII (1971).

Gilbert F. On Machiavelli`s Idea of Virtù // Renaissance News. Vol. IV. № 4. P. 53 – 55.

March D. The quattrocento dialogue: classical tradition and humanist innovation. Cambridge, 1980; на русском языке: Баткин Л.М. Итальянский гуманистический диалог XV века // Из истории Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 175 – 221.

Kahn V. A. Machiavellian Rhetoric: From the Counter-Reformation to Milton. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Thuau E. Raison d`Etat et Pensée politique à l`époque de Richelieu. P. : Armand Colin, 1966.

Viroli M. Dalla politica alla ragion di stato. La scienza del governo tra XIII e XVII secolo. Roma : Donzelli editore, 1994.